

Иван Бунин

Освобождение Толстого

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Б91

Б91 **Бунин И.А.**
Освобождение Толстого / Иван Бунин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 254 с.

ISBN 978-5-458-41720-4

"Книга Бунина есть попытка вновь Толстого увидеть, почувствовать. С этой стороны она удалась автору как нельзя более. Из огромной литературы о Толстом Буниным извлечены и необыкновенно убедительно сопоставлены черты наиболее резкие и выразительные. Превосходно сделаны записи интереснейших рассказов о Толстом - покойной Е. М. Лопатиной. Но всего лучше, конечно, собственные воспоминания Бунина о его немногих и мимолетных, но со всех точек зрения замечательных встречах с Толстым. По мощной простоте языка, по необыкновенной зоркости, наконец - по внутренней теплой строгости эти страницы, прямо скажу, были бы достойны подписи самого Толстого. Во всей мемуарной литературе о Толстом, конечно, они не имеют себе равных. "Владислав Ходасевич

ISBN 978-5-458-41720-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I

«Совершенный, монахи, не живетъ въ довольствѣ. Совершенный, о монахи, есть святой Высочайшій Будда. Отверзите уши ваши: освобожденіе отъ смерти найдено».

И вотъ и Толстой говоритъ объ «освобожденіи»:

— Мало того, что пространство и время и причина суть формы мышленія и что сущность жизни внѣ этихъ формъ, но вся жизнь наша есть (все) большее и большее подчиненіе себя этимъ формамъ и потомъ опять освобожденіе отъ нихъ...

Въ этихъ словахъ, еще никѣмъ никогда не отмѣченныхъ, главное указаніе къ пониманію его всего.

Астапово — завершеніе «освобожденія», которыми была вся его жизнь, не взирая на всю великую силу «подчиненія».

Помню, съ какимъ восторгомъ сказалъ онъ однажды словами Пинеагора Самосскаго: «Нѣтъ у тебя, человѣкъ, ничего, кромѣ души!» Знаю, какъ часто повторялъ Марка Аврелія: «Высшее назначеніе наше — готовиться къ смерти». Такъ онъ и

самъ писалъ: «Постоянно готовишься умирать. Учишься получше умирать.»

«Я — Антонинъ, но я и человѣкъ; для Антонина градъ и отечество — Римъ, для человѣка — мѣръ.»

Для Толстого не осталось въ годы его высшей мудрости не только ни града, ни отечества, но даже мѣра; осталось одно: Богъ; осталось «освобожденіе», уходъ, возвратъ къ Богу, раствореніе — снова раствореніе — въ Немъ.

Князь Андрей слушалъ пѣніе Наташи:

— Страшная противоположность между чѣмъ-то безконечно великимъ и неопредѣленнымъ, бывшимъ въ немъ, и чѣмъ-то узкимъ и тѣлеснымъ, чѣмъ былъ онъ самъ и даже была она, — эта противоположность томила и радовала его во время ея пѣнія...

Эта «противоположность» томила Толстого съ рожденія до послѣдняго вздоха.

Какъ умиралъ князь Андрей?

«Чѣмъ больше онъ въ тѣ часы страдальческаго уединенія и бреда, которые онъ провелъ послѣ своей раны, вдумывался въ новое, открытое ему начало вѣчной любви, тѣмъ болѣе, самъ не чувствуя того, отрекался отъ земной жизни. *Все, всѣхъ любить, всегда жертвовать собой для любви значило — никого не любить, значило — не жить этой земной жизнью.*»

«Отверзите уши ваши, монахи: освобожденіе отъ смерти найдено. Я поучаю васъ, я проповѣдую

Законъ. Если вы будете поступать сообразно поученіямъ, то черезъ малое время получите то, ради чего благородные юноши уходятъ съ родины на чужбину, получите высшее исполненіе священнаго стремленія; вы еще въ этой жизни познаете истину и увидите ее воочію.»

Христось тоже звалъ «съ родины на чужбину»: «Враги человѣку домашніе его... Кто не оставитъ ради Меня отца и матери, тотъ не идетъ за Мною.»

Ихъ не мало было, «благородныхъ юношей, покинувшихъ родину ради чужбины»: былъ царевичъ Готами, былъ Алексѣй Божій человѣкъ, былъ Юліанъ Милостивый, былъ Францискъ изъ Ассизи... Къ лику ихъ сопричислился и старецъ Левъ изъ Ясной Поляны.

II

— Родился я и провелъ первое дѣтство въ деревнѣ Ясной Полянѣ...

Онъ началъ этими словами свои неоконченныя «Первыя воспоминанія», которыя писалъ для своего друга и послѣдователя Бирюкова, предпринявшаго составленіе его біографіи. Онъ раздѣлилъ тогда свою жизнь на семилѣтія, говорилъ, что «соотвѣтственно семилѣтіямъ тѣлесной жизни человѣка, признаваемымъ даже и нѣкоторыми фізіологами, можно установить и семилѣтія въ развитіи жизни духовной». Этихъ семилѣтій было съ небольшимъ недочетомъ двѣнадцать.

Первое — дѣтство:

Рожденіе и жизнь въ Ясной Полянѣ. Родился (отъ графа Николая Ильича Толстого и графини Маріи Николаевны Толстой, урожденной княжны Волконской) 28 августа 1828 года*. На второмъ году отъ рожденія потерялъ мать, умершую 39 лѣтъ. Ученіе началъ дома, съ гувернеромъ нѣмцемъ, написаннымъ въ «Дѣтствѣ» подъ именемъ Карла Ивановича.

Второе — отрочество:

Жизнь съ семьей и продолженіе ученія въ Мос-

* Даты вездѣ по старому стилю.

квѣ. Тамъ, на восьмомъ году отъ роду, потерялъ отца, внезапно умершаго отъ разрыва сердца 42 лѣтъ.

Третье — юность:

Переѣздъ сиротъ въ Казань къ бабушкѣ по отцу, ученіе въ казанскомъ университетѣ. Университетское ученіе, за малыми успѣхами* въ наукахъ и въ силу собственнаго сознанія «безполезности всего того, чему эти науки учать», оставилъ со второго курса, чтобы воротиться въ Ясную Поляну и посвятить себя сельскому хозяйству и заботамъ о своихъ крѣпостныхъ. Послѣ разочарованія и въ этомъ, уѣхалъ въ Москву, потомъ въ Петербургъ, съ намѣреніемъ служить по гражданской службѣ.

Четвертое — отъ 21 года до 28 лѣтъ:

Разочарованіе въ мечтахъ и о гражданской

* Этимъ малымъ успѣхамъ много способствовала та свѣтская жизнь, которую вель тогда юноша Толстой. Онъ поступилъ въ университетъ сперва на факультетъ арабско-турецкой словесности, когда же, из-за своей свѣтской праздности, не былъ переведенъ съ 1-го курса на 2-ой, перешелъ на факультетъ юридическій. Но и этотъ факультетъ не вызвалъ въ немъ охоты къ университетскому образованію. «Что вынесемъ мы съ вами изъ университета? — спрашивалъ онъ однажды одного своего товарища. — Что вынесемъ мы изъ этого святилища, возвратившись восвояси, въ деревню? На что будемъ пригодны, кому нужны? Смерть князя Игоря, змѣя, ужалившая Олега, — что же это, какъ не сказки, и кому нужно знать, что второй бракъ Іоанна на дочери Темрюка совершился 21 августа 1562 года, а четвертый на Аннѣ Колтовской въ 1572 году? А какъ пишется исторія? Грозный царь Іоаннъ вдругъ съ 1560 года изъ добродѣтельнаго и мудраго превращается въ бессмысленнаго, свирѣпаго тирана. Какъ и почему? Объ этомъ и не спрашивается!» Такъ уже и тогда стала обнаруживаться одна изъ самыхъ главныхъ чертъ его — вызывающее презрѣніе къ общепринятому, тоже идущее изъ жажды «освобожденія», борьбы съ «подчиненіемъ».

службѣ. Военная служба на Кавказѣ, потомъ въ осажденномъ Севастополѣ. Начало писательства. Написалъ въ это семилѣтіе: «Дѣтство», «Отрочество» и «Юность», «Севастопольскіе рассказы», «Метель», «Два гусара», «Утро помѣщика»; началъ «Казачи».

Пятое — отъ 28 до 35 лѣтъ:

Выходъ изъ военной службы, заграничныя путешествія для знакомства съ постановкой школьнаго дѣла въ Европѣ, педагогическая и судебная дѣятельность въ Ясной Полянѣ — и женитьба на Софьѣ Андреевнѣ Берсъ. «Казачи» и начало «Войны и мира». Въ это семилѣтіе потерялъ брата Дмитрія, потомъ брата Николая.

Шестое — отъ 35 до 42 лѣтъ:

Семейная жизнь, уже четверо дѣтей, хозяйство, писаніе и печатаніе «Войны и мира».

Седьмое — отъ 42 до 49 лѣтъ:

Поѣздки на леченіе кумысомъ въ Самарскую губернію. Тамъ же работа на голодѣ. «Анна Каренина». Рожденіе еще четверыхъ дѣтей (изъ которыхъ два мальчика умерли).

Восьмое — отъ 49 до 56 лѣтъ:

«Исповѣдь». Переѣздъ въ Москву для воспитанія дѣтей. Знакомство съ Чертковымъ. «Чѣмъ люди живы», «Въ чемъ моя вѣра», «Такъ что же намъ дѣлать». Рожденіе еще одного сына и еще одной дочери (Александры).

Девятое — отъ 56 до 63 лѣтъ:

Жизнь въ Москвѣ. Рассказы для народа, «Смерть Ивана Ильича», «Власть тьмы», «Плоды просвѣщенія», «Крейцера соната», начало писанія «Воскресенія». Рожденіе еще одного ребенка, Ванички.

Десятое — отъ 63 до 70 лѣтъ:

Новая работа на голодѣ (въ Тульской губерніи). Отказъ отъ авторскихъ правъ на все, что написано послѣ 1881 г. «Царство Божіе внутри насъ», «Хозяинъ и работникъ», «Объ искусствѣ». Смерть Ванички.

Одиннадцатое — отъ 70 до 77 лѣтъ:

Первая тяжелая болѣзнь. Появленіе въ печати «Воскресенія». Отлученіе отъ Церкви. Переѣздъ всей семьи въ Ясную Поляну. Зима въ Крыму, гдѣ пережиты еще воспаленіе легкихъ и брюшной тифъ. Начало составленія «Круга чтенія». Писаніе писемъ и обращеній: къ духовнымъ друзьямъ и послѣдователямъ, къ правительству, къ военнымъ, къ церковнослужителямъ, къ политическимъ и общественнымъ дѣятелямъ...

И, наконецъ, двѣнадцатое, не дожитое — отъ 77 до 83 лѣтъ:

Смерть наиболѣе любимой и близкой по духу дочери Маши. Тайное составленіе завѣщанія, въ которомъ право на всѣ его писанія передавалось Александрѣ Львовнѣ, а распоряженіе ими Черткову. Бѣгство въ ночь съ 27 на 28 октября 1910 года изъ Ясной Поляны; болѣзнь въ пути и смерть на желѣзнодорожной станціи Астапово (7 ноября).

Эта смерть была его послѣднимъ «освобожденіемъ».

Уйти, убѣжать онъ стремился давно. Еще въ 1884 г. писалъ въ дневникѣ:

— Ужасно тяжело. Напрасно не уѣхаль... Этого не миновать...

Въ 1897 г. опять совсѣмъ было рѣшилъ уйти,

даже написал прощальное письмо Софьѣ Андреевнѣ — и опять не осуществилъ своего рѣшенія: вѣдь бросить семью — это, значитъ, думать только о себѣ, а каково будетъ семьѣ, какой это будетъ для нея ударъ! Онъ тогда писалъ:

— Какъ индусы подѣ 60 лѣтъ уходятъ въ лѣсъ, какъ всякому религіозному человѣку хочется послѣдніе годы жизни посвятить Богу, а не шуткамъ, калямбурамъ, сплетнямъ, теннису, такъ и мнѣ, вступая въ свой семидесятый годъ, всѣми силами души хочется этого спокойствія, уединенія и хоть неполнаго согласія, но некричащаго разногласія со своими вѣрованіями, со своей совѣстью...

То же писалъ и въ ночь бѣгства:

— Я дѣлаю то, что обыкновенно дѣлаютъ старики моего возраста. Уходятъ изъ мірской жизни, чтобы жить въ уединеніи и въ тиши послѣдніе дни своей жизни..

Къ бѣгству подбивали его и со стороны. За мѣсяць до бѣгства онъ писалъ:

«Отъ Черткова письмо съ упреками и обличеніемъ», — за то, что онъ, Толстой, все продолжаетъ жить такъ, какъ живетъ. — «Они разрываютъ меня на части. Иногда думается уйти ото всѣхъ.»*

Чертковъ впоследствии оправдывался, говорилъ, что не настаивалъ на его уходѣ. Нѣтъ, онъ только колебался, — напимѣръ, такъ писалъ толстовцу болгарину Досеву:

— Если бы онъ ушелъ изъ дому, то, при его преклонныхъ лѣтахъ и старческихъ болѣзняхъ, онъ

* Всюду, гдѣ это не оговорено, курсивъ мой.

уже не смогъ бы жить физическихъ трудомъ. Не могъ бы онъ также пойти съ посохомъ по міру и заболѣть и умереть гдѣ-нибудь на большой дорогѣ или прохожимъ странникомъ въ чужой избѣ... онъ не могъ бы такъ поступить изъ простой любви къ любящимъ его людямъ, къ своимъ дочерямъ и друзьямъ, близкимъ ему по сердцу и духу. Онъ не могъ бы, не становясь жестокимъ...

Какъ бы тамъ ни было, онъ рѣшился наконецъ и на полную возможность «умереть гдѣ-нибудь на большой дорогѣ» и на «жестокость». 28 октября онъ былъ уже въ Оптиной Пустыни:

— 28 окт. 1910 г., Оптина Пустынь. Легъ (вчера) въ половинѣ 12. Спалъ до третьяго часа. Проснулся и опять, какъ прежнія ночи, услышалъ отворяніе дверей и шаги. Въ прежнія ночи я не смотрѣлъ на свою дверь, нынче взглянулъ и вижу въ щеляхъ яркій свѣтъ въ кабинетѣ и шуршаніе. Это Софья Андреевна что-то разыскиваетъ, вѣроятно, читаетъ. Наканунѣ она просила, требовала, чтобы я не запиралъ дверей. Ея обѣ двери отворены, такъ что малѣйшее движеніе слышно ей. И днемъ и ночью всѣ мои движенія, слова должны быть извѣстны ей и быть подъ ея контролемъ. Опять шаги, осторожное отпираніе двери и она проходитъ. Не знаю отъ чего, это вызвало во мнѣ неудержимое отвращеніе, возмущеніе. Хотѣлъ заснуть, не могу, поворочался около часа, зажегъ свѣчу и сѣлъ. Отворяетъ дверь и входитъ Софья Андреевна, спрашивая «о здорровьѣ» и удивляясь на свѣтъ у меня. Отвращеніе и возмущеніе растутъ, задыхаюсь, считаю пульсъ: 97. Не могу лежать и вдругъ принимаю окончательное

рѣшеніе уѣхать. Бужу Душана*, потомъ Сашу, они помогаютъ мнѣ укладываться. Я дрожу при мысли, что она услышитъ, выйдетъ — сцена, истерика, и ужь впредь безъ сцены не уѣхать. Въ 6-мъ часу все кое какъ уложено; я иду на конюшню велѣть закладывать; Душанъ, Саша, Варя доканчиваютъ укладку. Ночь — глазъ выколи, сбиваюсь съ дорожки къ флигелю, попадаю въ чащу, накалываюсь, стучаюсь объ деревья, падаю, теряю шапку, не нахожу, на силу выбираюсь, иду домой, беру шапку и съ фонарикомъ добираюсь до конюшни, велю закладывать. Приходитъ Саша, Душанъ, Варя. Я дрожу, ожидая погони. Но вотъ уѣзжаемъ. Въ Щекинѣ ждемъ часъ, и я всякую минуту жду ея появленія. Но вотъ сидимъ въ вагонѣ, трогаемся, и страхъ проходитъ, и поднимается жалость къ ней, но не сомнѣніе, сдѣлалъ ли то, что должно. Можетъ быть, ошибаюсь, оправдывая себя, но, кажется, что я спасалъ себя, — не Льва Николаевича, а спасалъ то, что иногда и хоть чуть-чуть есть во мнѣ. Доѣхали до Оптиной. Я здоровъ, хотя не спалъ и почти не ѣлъ. Путешествіе отъ Горбачева въ третьеклассномъ набитомъ рабочимъ народомъ вагонѣ очень поучительно и хорошо, хотя я и слабо воспринималъ. Теперь 8 часовъ, мы въ Оптинѣ...

О томъ, куда ему направиться, послѣ того какъ онъ убѣжитъ изъ Ясной Поляны, онъ думалъ нѣчто очень неопредѣленное: «Куда-нибудь за границу... на примѣръ, въ Болгарію... Или въ Новочеркасскъ и дальше — куда-нибудь на Кавказъ...» Въ послѣднюю

* Докторъ Душанъ Маковицкій, домашній врачъ, другъ и послѣдователь.